

УДК 821.161.1-3(Гоголь Н. В.)

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,44

А.Г. Ершов

*(Российский государственный педагогический университет,
Санкт-Петербург, Россия)*

ЭВОЛЮЦИЯ ГОГОЛЕВСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ПУШКИНА В 1830-1840-х гг.

Аннотация. В данной статье рассматривается трансформация гоголевской рецепции Пушкина на материале сборника «Арабески» (1835) и книги «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Автор прослеживает эволюцию взглядов Гоголя на личность Пушкина, на цели и задачи литературного творчества.

Ключевые слова: рецепция, эволюция взглядов, русская литература, русские писатели, литературное творчество.

К началу 1830-х годов А.С. Пушкин в глазах современной ему критики перестает быть тем новатором, каким его считали прежде. Утихает восторг, вызванный его южными поэмами. Пародией на Байрона называет теперь поэзию Пушкина «Вестник Европы» (1829. Ч. 165. №9. С. 31). «Московский телеграф» (1832. Ч. 43. С. 569 – 570) считает поэта уже не выразителем дум и чаяний своих ровесников, а всего лишь нарядным, блестящим и умным человеком, но не более того [Мейлах 1969: 7]. Наконец В.Г. Белинский в «Литературных мечтаниях» (1834) объявляет: «Тридцатым годом кончился или, лучше сказать, внезапно оборвался период Пушкинский, потому что кончился сам Пушкин» [Белинский 1959: I, 87].

С совершенно иной, неожиданной интонацией звучит на этом фоне голос Н.В. Гоголя.

С выходом в свет сборника «Арабески» (1835) на суд современников выставляется, по сути, первое завершенное и выраженное художественно высказывание писателя о Пушкине. Следует заметить, что к этой теме Гоголь обращался несколько раз до выхода сборника. В 1831 г. он работает над заметками,

посвященными поэме Пушкина «Борис Годунов» (статья не была закончена). (Подробнее о гоголевской рецепции Пушкина в тексте неопубликованной при жизни писателя статьи «Борис Годунов. Поэма Пушкина» см., напр.: [Загидуллина 2004: 35 – 37]). В 1832 г. Гоголь пишет статью «Несколько слов о Пушкине», которую, однако, впервые издает только спустя три года. (Подробнее о черновиках статьи см.: [Денисов 2011: 231 – 232]). Пафос гоголевской статьи, очевидно, направлен на «защиту» поэта от участвовавших в нападках критики. «Миф» о «надменном аристократе»-Пушкине, оторвавшемся от народа и теряющем свой дар, беспощадно разбивается Гоголем с первых же строк его статьи: «При Имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском *национальном поэте*. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. <...> В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» [Гоголь 1952: VIII, 50]. По наблюдению Ю.В. Манна, для Гоголя в этот период характерна сакрализация образа Пушкина [Манн 2004; Манн 1997]. В самом деле, значение поэта было поразительно глубоко понято молодым Гоголем: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет» [Гоголь 1952: VIII, 50]. Следует полагать, что избранный писателем тон статьи связан, во-первых, с действительно высокой оценкой личности Пушкина, которого Гоголь именовал своим учителем (впоследствии, однако, в значительной степени дистанцируясь от него), и, во-вторых, с полемичностью статьи по отношению к распространившемуся в это время холодному отношению к Пушкину, которое Гоголь мог расценивать, как недооцененность поэта.

Кардинально отличающиеся от ярких романтических южных поэм зрелые произведения Пушкина на первых порах были встречены читателями и критикой холодно, с

разочарованием. От поэта требовали новых поэм в духе «Кавказского пленника», и перед ним возникала дилемма: пойти на поводу у запросов массового читателя или быть верным только своему таланту, заведомо отказываясь от сиюминутного успеха, в том числе денежного? Пушкин избирает второй путь, и Гоголь в своей статье полностью поддерживает поэта: по мнению писателя, чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное, которое было бы при этом совершеннейшей истиной [Гоголь 1952: VIII, 54].

Вслед за этими словами в статье появляется образ «толпы». Здесь Гоголь в нескольких предложениях передает основную мысль неоконченной статьи 1831 года: «По справедливости ли оценены последние его поэмы? Определил ли, понял ли кто Бориса Годунова, это высокое, глубокое произведение, заключенное во внутренней, неприступной поэзии, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа? – по крайней мере печатно нигде не произнеслась им верная оценка, и они остались донныне нетронуты» [Гоголь 1952: VIII, 54]. Итак, «толпа», знакомясь с «Борисом Годуновым», ищет яркого и пестрого убранства южных поэм, но не находит их. Именно в этом, по мнению Гоголя, и заключается причина недооцененности зрелых произведений Пушкина: «Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия; никакого наружного блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; все лаконизм, каким всегда бывает *чистая поэзия*. Слов немного, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. Отсюда происходит то, что эти мелкие сочинения перечитываешь несколько раз, тогда как достоинства этого не имеет сочинение, в котором слишком просвечивает одна главная идея» [Гоголь 1952: VIII, 55]. Гоголь видит в произведениях зрелого Пушкина многогранность и глубину, видит философию, скрытую за простотой форм. Однако подавляющее большинство читателей и критиков, «слывущих знатоками и литераторами», не смогли разглядеть эту составляющую в поэзии и прозе «нового» Пушкина, не

подражателя Байрону, но Пушкина истинного. И потому свою статью Гоголь завершает следующим тезисом: «...это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его *толпы*, и наконец так становится тесен, что он может перечест по пальцам всех своих истинных ценителей» [Гоголь 1952: VIII, 55]. Подобную же мысль высказал несколькими годами ранее В.А. Жуковский: «Непристрастная заслуженная похвала избранных, которых великое мнение управляет общим и может его заменить, вот слава истинная...» [Жуковский 1985: 165 – 166]. Замечателен тот факт, что ту же самую мысль мы находим и у самого Пушкина, в его статье, посвященной Баратынскому («Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов...», 1830): «Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут, юный поэт мужает, *талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются*. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит для самого себя и, если изредка еще обнародывает свои произведения, то *встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии*, как он уединенных, затерянных в свете» [Пушкин 1978: VIII, 153]. Статья о Баратынском была опубликована только после смерти Пушкина. Таким образом, позиция раннего Гоголя по отношению к поэтическому творчеству Пушкина оказывается созвучна мыслям самого поэта, высказанным им в статье о современнике, но вполне применимым и к нему самому.

Итак, в своей ранней публицистической работе Гоголь солидарен с концепцией писателя, исповедуемой литераторами пушкинского круга: писатель творит для «избранных» и противопоставляется «толпе». К личности самого Пушкина Гоголь относится с явным уважением и даже восхищением,

объявляя в противовес бытовавшему в то время мнению значимость Пушкина чуть ли не бóльшую, чем какого бы то ни было другого поэта или писателя.

После трагической смерти поэта многие его соотечественники переменили свое к нему отношение. Так, если в 30-е годы Пушкин для Белинского «кончился», то в 1843 – 1846 годах критик, во многом пересмотрев свои прежние взгляды, публикует целый цикл статей, посвященных «Сочинениям Пушкина», где одобрительно цитирует многие положения статьи Гоголя «Несколько слов о Пушкине» (в т.ч. гоголевское определение Пушкина как первого «национального поэта», который в последние годы предался исследованию жизни и нравов своих соотечественников).

Спустя десять лет после гибели поэта выходит в свет книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой не последнее место писатель уделяет рассмотрению современного ему состояния литературы, в т. ч. поэзии, и непосредственно личности Пушкина.

Сравнивая отношение к Пушкину Белинского и Гоголя, можно отметить определенное сродство взглядов: для обоих Пушкин – поэт пассивно-созерцательный, представляющий собой олицетворение чистой, самодостаточной поэзии и в положительном, и в потенциально отрицательном смысле этого слова. В Статье пятой о Пушкине Белинский напишет, что «поэзия его заключается преимущественно в *поэтическом созерцании мира*». В Статье десятой: «Ему надо быть *только художником и больше ничем*». Гоголь в главе «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» пишет о Пушкине так: «Он заботился только о том, чтобы сказать одним одаренным *поэтическим чутьем*: «Смотрите, как прекрасно творение Бога!» – и, не прибавляя *ничего больше*, перелетать к другому предмету затем, чтобы сказать также: «Смотрите, как прекрасно Божие творение!» [Гоголь 1952: VIII, 381]. Очевидно, что отношение к Пушкину позднего Гоголя во многом близко взглядам критика.

«Выбранные места из переписки с друзьями» выходят в свет спустя десять лет после гибели поэта. Пушкин упоминается

в четырех главах гоголевской книги: «X. О лиризме наших поэтов», «XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», «XXVIII. Занимающему важное место», «XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». По замечанию И.П. Золотусского, имя Пушкина упоминается в «Выбранных местах...» не менее семидесяти раз, причём не только в главах, где Гоголь касается лирической поэзии и литературы. Пушкин – спутник мысли автора, эстетический образец и пример «честности званья» писателя. Пушкин – и *единомышленник*, и *оппонент*, спор с которым выводит Гоголя к новому витку русской культуры [Золотусский 2006: 354 – 369]. Каждое из этих упоминаний рисует образ поэта разумного и осторожного, чутко откликающегося на явления окружающей действительности, с великой ответственностью относящегося к своему дару. Приведем некоторые цитаты, подтверждающие это: «*Полный и совершенный поэт* ничему не предается безотчетливо, не проверив его мудростию *полного своего разума* <...> Как метко выражался Пушкин! Как понимал он значенье великих истин!» [Гоголь 1952: VIII, 253]; «Пушкин слишком *разумно* поступал, что не дерзал переносить в стихи того, чем еще не *проникалась вся насквозь его душа*...» [Гоголь 1952: VIII, 275]; «Никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова и выраженья, как Пушкин, так не смотрел осторожно за самим собой, чтобы не сказать неумеренного и лишнего, пугаясь приторности того и другого <...> *поэзия была для него святыня* — точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из собственной жизни своей; не вошла туда нагишом растрепанная действительность. А между тем все там до единого есть история его самого. Но это ни для кого не зримо. Читатель услышал одно только благоуханье; но какие вещества перегорели в груди поэта затем, чтобы издать это благоуханье, того никто не может услышать. И как он лелеял их в себе! как вынашивал их! <...> Какая значительность всякого выраженья! Как все округлено, окончено и замкнуто! Все они точно перлы; трудно и решить, которое лучше. <...> И как верен его отклик, как чутко его ухо!

Слышишь запах, цвет земли, времени, народа» [Гоголь 1952: VIII, 380 – 384] и другие.

С восторгом Гоголь отзывается и о прозаических произведениях Пушкина, называя «Капитанскую дочку» «решительно лучшим русским произведением в повествовательном роде» [Гоголь 1952: VIII, 384].

«Внезапная смерть унесла его вдруг от нас – и все в государстве услышало вдруг, что лишилось великого человека» [Гоголь 1952: VIII, 385]. Каким же автор «Выбранных мест...» видит великого поэта, спустя десятилетие после его кончины? «Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше» [Гоголь 1952: VIII, 381], – пишет Гоголь в XXXI главе «Выбранных мест...» «Что ж было предметом его поэзии? Все стало ее предметом, и ничто в особенности» [Гоголь 1952: VIII, 380]. Таким, абсолютно чистым и полным, и должен быть поэт, по мнению Автора, «на то и призванье поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возвратить нам в очищенном и лучшем виде» [Гоголь 1952: VIII, 385]. Гоголь отдавал себе отчет, что он едва ли не во всем был отличен от обожаемого им Пушкина – и по типу творческой личности, и по мироощущению, и по тем задачам, которые он перед собой ставил. При этом ему было свойственно сверять с Пушкиным свои действия, свои поиски, свои открытия, сравнивать себя с ним, объясняя себе и окружающим свои от него отличия: если Пушкину необходимо было одиночество, чтобы разговаривать с *вечностью*, то ему нужна была суета, чтобы разговаривать с *человеком* [Багно 2011: 29].

Таким образом, основное противоречие между мнением Гоголя 1847 года и мнением 1830-го заключается в оценке влияния личности Пушкина на *общество*. В рукописи статьи тридцатого года сохранились посвященные этому вопросу строки, изъятые автором при публикации: «Он [Пушкин] был каким-то *идеалом молодых людей*. Его смелые, всегда исполненные оригинальности поступки и случаи жизни, заучивались ими и повторялись, разумеется, как обыкновенно бывает, с прибавлениями и вариантами <...> И если сказать истину, то *его стихи воспитали и образовали истинно*

благородные чувства, несмотря на то, что старики и богомольные тетушки старались уверить, что они рассеивают вольнодумство, потому только, что смелое благородство мыслей и выраженья и отвага души были слишком противоположны их бездейственной вялой жизни, бесполезной и для них, и для государства» [Гоголь 1952: VIII, 602]. По сути, речь здесь идет о том несомненно положительном влиянии, которое оказала личность поэта на современное ему общество, на молодежь. Однако семнадцать годами позже Автор «Выбранных мест...» отзовется о поэте совершенно иначе, жестко и лаконично: «Влияние Пушкина как поэта на общество было *ничтожно*» [Гоголь 1952: VIII, 385]. Здесь же Гоголем высказывается мысль, подобная тем, что уже были описаны выше и принадлежали перу Жуковского и самого Пушкина: мысль эта заключается в том, что общество, по мнению Гоголя, обратило свое внимание на Пушкина лишь в начале его поэтического поприща, когда первые юношеские стихи поэта «напомнили было лиру Байрона», но отвернулось от него в тот самый момент, когда «стал он не Байрон, а Пушкин» [Гоголь 1952: VIII, 385]. Автор «Выбранных мест...» снова указывает на самостоятельность Пушкина, которая не была по достоинству оценена современниками. Однако мысль Гоголя здесь все-таки несколько глубже: он убежден, что даже такой поэт как Пушкин (не подражатель, а вполне самобытный автор, как уже было сказано выше), если он прежде всего поэт «и ничего больше», *не может иметь влияния на общество*; для этого ему следовало бы переменить направление своего творчества, осознать задачу воздействия на человека, вызова его на «высшую битву за душу» [Гоголь 1952: VIII, 408]. По сути, не говоря об этом напрямую, Гоголь призывает поэтов (и вообще творцов – одна из глав книги посвящена художнику А.А. Иванову) избрать тот же путь, на который встал теперь и сам писатель, и который иллюстрирует он своей книгой...

Полностью отвергая возможность влияния Пушкина на общество, Гоголь, тем не менее, признает силу его влияния на поэтов [Гоголь 1952: VIII, 385]. Чуть ли не все последующие поэты, по мнению Гоголя, опирались на творческий опыт

Пушкина. Отношение писателя к этому факту двойственно. С одной стороны, Пушкин, по выражению Гоголя, «был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с Неба поэтический огонь, от которого, как свечи, зажглись другие самоцветные поэты» [Гоголь 1952: VIII, 385]: после гибели Пушкина явилось много талантливых людей, открыто и тайно подражающих его поэтическому наследию. С другой стороны, вследствие этого «все находится под сильным влиянием гармонических звуков Пушкина; еще никто не может вырваться из этого заколдованного, им очертанного круга и показать собственные силы. Еще даже не слышит никто, что вокруг его настало *другое время*, образовались стихии новой жизни и раздаются вопросы, которые дотоле не раздавались; а потому ни в ком из них еще нет *самоцветности*» [Гоголь 1952: VIII, 401]. «Самоцветности», особенности, индивидуальности ищет Автор в новых талантливых поэтах, но с прискорбием вынужден он признать, что влияние на них Пушкина было столь велико, что затмило индивидуальность каждого. Легкий, перелетающий от одного предмета к другому поэтический дар Пушкина, поэта, описывающего все, что ни есть на свете, и на все откликающегося, по мнению Гоголя, должен остаться в прошлом: «Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых еще продолжает ветрено лепетать молодое, не давшее себе отчета, *нынешнее поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству*, – как ни прекрасно это служение, – не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство; *нельзя повторять Пушкина*» [Гоголь 1952: VIII, 407].

Таким образом, по мере развития личности Н. В. Гоголя, его приобщения к христианскому учению, изменились и его взгляды на цели и задачи поэзии, а вместе с тем, и взгляд писателя на личность А.С. Пушкина. Позиция Гоголя сороковых годов по отношению к человеку, которого в тридцатые годы он называл своим учителем, становится, в некотором роде, более радикальной. Наступающие, по словам Автора «Выбранных мест...», *новые времена* требуют от поэта принципиально новых черт, отвечающих принципиально новым задачам: по сути, учению людей христианской истине и помощи им в деле

спасения души. Пушкин же, по мнению Гоголя, не отвечал этим требованиям из-за особенностей творческого самовыражения поэта, «отражавшего действительность, как оптическое стекло» [Гоголь 1952: VIII, 50], и из-за ничтожного, по словам Автора, влияния поэта на общество, без которого невозможно указать людям путь к спасению. Следует полагать, однако, что размышления Гоголя на эту тему глубже, чем они выражены в конкретных тезисах книги. Автор «Выбранных мест...» сумел осознать и выразить в слове идею о *внутреннем слое христианства* в сознании и поздней поэзии Пушкина, что было замечено далеко не всеми современниками поэта. Следовательно, можно говорить о том, что Гоголь внутренне признавал некую *общность* творческой эволюции Пушкина и своей собственной, но *формы воздействия на общество*, избранные двумя творцами, были различны. Возможно, неосознаваемое Гоголем противоречие его суждений заключается в том, что, «требуя» от поэта влияния на общество, он в то же время внутренне сознает, что Пушкину ближе иной путь: внутренний «ход обращения человека ко Христу», требуемый от *истинного художника*, предполагает уединения творца, его «смерти» для окружающего мира, для света, общественного мнения, и потому не позволяет самобытному поэту-христианину употребить свои силы, свой талант в дело влияния на общество, представляющееся столь важным Автору «Выбранных мест...».

Литература

Багно В.Е. Пушкинско-гоголевский период русской литературы // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международ. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. Н.В. Гоголя. СПб. : Петрополис, 2011. С. 24 – 32.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959.

Вацуро В.Э. Пушкин в сознании современников // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М. : Худож. литература, 1985. Т. 1. С. 5 – 26.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [в 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937-1952.

Денисов В.Д. К творческой истории «Нескольких слов о Пушкине» // Феномен Гоголя : Материалы... СПб. : Петрополис, 2011. С. 231 – 241.

Жуковский В.А. Письмо из уезда к издателю // Жуковский В.А. Эстетика и критика. М. : Искусство, 1985. С. 159 – 167.

Загидуллина М.В. Ранние статьи Гоголя о Пушкине: к вопросу о «внутрицеховой» рецепции // Вестник ЧелГУ. 2004. № 1. С. 34 – 41.

Золотусский И.П. Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями» // Пушкин в XXI веке. М. : Русский мир, 2006. С. 354 – 369.

Манн Ю.В. Гоголь как интерпретатор Пушкина // Филологические науки. 2004. № 1. С. 78 – 87.

Манн Ю.В. «Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься» [Гоголь Н. В.] // Филологические науки. 1997. № 6. С. 87 – 95.

Мейлах Б.С. Реалистическая система Пушкина в восприятии его современников: (конец 20-х–30-е годы XIX в.) // Пушкин: исслед. и материалы. Л. : Наука, 1969. Т. 6: Реализм Пушкина и литература его времени. С. 5 – 34.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л. : Наука, 1978.

УДК 821.161.1-3(Блок А. А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444

Ю.В. Маликова

*(Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия)*

Н.В. ГОГОЛЬ В КРИТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ А.А. БЛОКА

Аннотация. Статья посвящена анализу трёх критических произведений Блока, в которых, так или иначе, говорится о личности и творчестве Гоголя. Показано, что классик характеризуется поэтом близким в эстетическом плане установкам символизма. Это положение